

О СТАТУСЕ ПРОИЗВОДНЫХ ИМЕН С ФОРМАНТОМ «-ТЕКСТ» В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ТЕКСТА

Эволюция научных представлений о тексте как о сложно организованном продукте дискурсивной деятельности человека оказала активное влияние на развитие понятийно-терминологического аппарата различных гуманитарных областей. Одним из очевидных итогов такого влияния стало появление множества новых понятий, изучаемых как традиционно ориентированными на текст лингвистикой текста, поэтикой, стилистикой, так и выходящими за рамки собственно филологического подхода философией, семиотикой, психолингвистикой, герменевтикой, лингвокультурологией и др.. При этом существенная часть новых понятий, закрепленных в дискурсивном пространстве названных дисциплин, оказалась имеющей сходное языковое оформление, конституировавшись в виде близких семантически и морфологически производных имен – «-текстов».

В результате в ходе моно- и междисциплинарных исследований возникла группа актуальных для современного научного познания единиц, представленная, как минимум, *авантекстом, автотекстом, аллотекстом, антитекстом, архтекстом, архитектсом, генотекстом, гипертекстом, гипотекстом, затекстом, интратекстом, интекстом, интратекстом, инфратекстом, квазитекстом, контекстом, ксенотекстом, макротекстом, метатекстом, микротекстом, минитекстом, монотекстом, мультитекстом, мегатекстом, надтекстом, онтотекстом, паратекстом, перитекстом, подтекстом, политекстом, посттекстом, пратекстом, пре(д)текстом, прототекстом, псевдотекстом, сверхтекстом, сотекстом, стереотекстом, субтекстом, супертекстом, транстекстом, унитекстом, фенотекстом, экстратекстом и эпитекстом.*

^{*} © Т.Е. Литвиненко, Иркутский государственный лингвистический университет, 2006.

Очевидно, что столь значительное число членов и, соответственно, демонстрируемая ими необычная продуктивность словообразовательной модели с одинаковым финальным термином элементом не являются случайными. Напротив, и само их количество, и вербальная структура дериватов, отражающая содержание номинируемых понятий, есть вполне предсказуемый результат действия множества взаимосвязанных факторов, наиболее значимыми из которых являются, на наш взгляд, следующие три.

Прежде всего, это осознанное стремление преодолеть недостаточную точность и полноту принятых в разное время определений базового для каждого типа «-текста» понятия «текст». Попытки зафиксировать важные признаки и свойства текстов, не учтенные ни такими определениями, ни построенными на их основе концепциями, собственно, и потребовали возникновения длинного ряда специальных понятий и терминов, уточняющих и дополняющих исходное представление о тексте, квалифицируемом как нечетко структурированный гештальт. Одновременно с этим возникшие в процессе накопления гуманитарных знаний «-тексты» стали, в силу своей теоретической и прикладной ценности, рассматриваться как автономные объекты научного анализа, их изучение стало самостоятельной исследовательской задачей. Кроме того, эпоха «-текстов» была предопределена вновь оказавшейся востребованной концептуальной метафорой «мир – это текст», экспансия которой распространилась не только на философию, семиотику, теорию культуры, но и на филологию.

О наличии у «-текстов» значительного объяснительного потенциала, эксплицирующего сложную природу текста как речевого произведения, свидетельствуют уже сами имена этих понятий, чей постпозитивный словообразующий формант сохраняет этимологически присущее ему специальное значение. Что же касается препозитивных частей, то с их помощью в семантическую структуру композита также включаются важные компоненты, дающие представление о признаках как «-текста», так и текста. В результате у текста, увиденного сквозь призму новых знаков, выявляется несколько существенных характеристик, нередко исключаемых из его определения. Текст, во-первых, предстает как динамическое образование, как процесс со сложным механизмом зарождения и развития. Во-вторых, он обнаруживает себя как длительность, превышающая собственные внешне завершенные параметры, что обуславливается, в первую очередь, его многообразными отношениями с другими текстами.

Так, термин *авантекст*, полученный в результате сложения частей *аван-* (от фр. *avant-* раньше, до) и *текст* (фр. *texte*), указывает на свойство текста быть выразителем системных связей с предыдущими стадиями своего генезиса, включающего, в рамках данного понятия, совокупность всех подготовительных материалов и промежуточных изданий текста. Ролью авантекста как дополнительного по отношению к тексту-результату ресурса, или своего рода «досье», обеспечивающего правильную интерпретацию последнего, было обусловлено и первоначальное значение данного термина. По мнению его создателя Ж. Бельмен-Ноэля, под ним следовало понимать собрание черновиков (рукописей, набросков, вариантов, планов, сценариев, корректур), которые рассматриваются как материальные предшественники авторского текста, соотносимые с ним в хронологическом, жанровом, содержательном или ином отношении.

Дальнейшее обращение к авантексту показало, что его изучение может быть очень плодотворным при анализе языковых изменений (вос)создаваемого персонального дискурса, непосредственно демонстрирующего качества порождающей его языковой личности, объясняющего смену авторских коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок. Это, в свою очередь, привело к пересмотру понимания авантекста, который стали определять как систему взаимосвязанных вариантов "представления знаний", вербализованных в различных модификациях авторского текста. Или же, доводя термин до следующего уровня абстракции, рассматривать его как организующую дискурс интеллектуальную конструкцию, целью выявления которой является обнаружение «направления формирования смысла произведения в его континууме» [4, с.284].

Последующее изменение содержания понятия *авантекст* произошло в ходе изучения фольклорных текстов, коммуникативно-речевая специфика которых (устная форма как основа репрезентации, анонимность, вариативность, отсутствие канонического текста-образца, невозможность какой-либо «окончательной редакции») потребовала переосмысления и их до-текстовых составляющих.

Исходя из положения о том, что всякий фольклорный текст – это комбинация «готовых» элементов дискурса, непосредственно актуализируемая в каждом акте исполнения произведения, С. Ю. Неклюдов предложил рассматривать авантекст как принадлежность не отдельного, конкретного фольклорного текста, а как данность всего порождающего его дискурса, базирующегося на определенной традиции. При таком подходе к числу авантекстовых стало возможным относить жанровые, сюжетные и композиционные модели, тематические блоки и ролевые ампула, стилистические клише, формулы и другие закрепленные в когнитивном пространстве традиции элементы, хранящиеся в памяти ее носителей. Соединяясь каждый раз заново, указанные дискурсивные константы (соотносимые с макро- и суперструктурами Т. ван Дейка и У. Кинча) позволяют создавать бесконечное множество фольклорных текстов, неизменно характеризующихся как различиями, так и значительной генетической общностью. Эту общность, а точнее, лежащую в ее основе «картину мира» С.Ю. Неклюдов также предложил рассматривать как авантекст.

Обоснованность подобных взглядов была убедительно продемонстрирована Т.В. Цивьян в статье «Модель мира и ее роль в создании (аван)текста», где автор определяет модель мира как структурно-классифи-

кационный каркас, который при заполнении его реалиями, отражающими сумму представлений о мире в данной традиции, преобразуется в картину мира и, соответственно, участвует в построении текста мира. Реализуясь в качестве фольклорного авантекста, и модель, и картина мира обнаруживают важную организующую и регулятивную функции, они продуктивны и легко разворачиваются в текст/тексты, предопределяя их содержание и прагматику с помощью транслируемых в них элементов и правил.

Еще одним типом «-текста», объективирующим процесс генезиса текста-результата, является *генотекст*, чье подробное описание в паре с коррелирующим с ним понятием *фенотекст* было сделано предположившей оба термина Ю. Кристевой. Определяя фенотекст как структурно организованный семиотический продукт с устойчивым смыслом, коммуникативным заданием, субъектом акта высказывания и адресатом, Ю. Кристева указывала, что своим порождением он всецело обязан генотексту. Последний же, по мнению исследовательницы, есть «абстрактный уровень лингвистического функционирования» [5, с.295], предвосхищающий возможные вербальные и фразовые манифестации. Это уровень становления и развития динамических ментальных образований, лишенных семантико-грамматической определенности и характера линейной речевой последовательности.

Являясь глубинной, доязыковой основой фенотекста, выступающей как неструктурированная смысловая множественность, в которой нет субъектности и коммуникативной интенции, генотекст в итоге трансформируется в фенотекст, что происходит в результате сложного процесса означивания, блокируемого и фиксируемого в фенотексте. При этом при переходе в фенотекст как в грамматически упорядоченный дискурсивный продукт (Р. Барт) генотекст способен актуализоваться в авантексте (Р. Дебре-Женетт; Луи Э; С. Ю. Неклюдов) как в промежуточном структурном образовании, позволяющем адекватно воплотить авторский замысел (В.А. Лукин), скорректировать выбор средств языкового выражения и избежать коммуникативных неудач.

Другим типом «-текста», соотносимым с довербальным уровнем произведения, но во многом противостоящим генотексту, может быть назван *инфратекст* – идеальный, транссубъектный текст, понимаемый как «эйдос смыслового целого» произведения, с которым он сопряжен как с эвентуальным, практически осуществимым результатом [11, с.14-17]. Говоря иными словами, инфратекст – это трактуемый в духе неоплатонизма ментальный репрезентант (концепт) будущего текста-феномена, чья знаковая форма как несовершенная копия "первоисточника" воспроизводится интуитивно постигающим его сознанием. Принадлежа «духовному пространству вечности» (по сути, будучи коллективно закрепленным, являясь элементом исторической и социокультурной традиции), эйдос-инвариант при своем падении в реальность может получить множество различных актуализаций. Этим он, с одной стороны, отличается от взаимоотношений генотекста с фенотекстом, где стремление к единичному имеет противоположную направленность, а с другой – дает собственную (на деле, однако, вполне укладывающуюся в рамки общепринятой) трактовку интертекстуальности. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что признание инфратекста неотъемлемой частью создаваемого на его основе текста разрушает представление о линейности, предельности и замкнутости готового речевого произведения. Присутствие в произведении инфратекста в виде следов его идеального прообраза свидетельствует о заложенном в тексте потенциально безграничном смысле, претворяемом в материальную форму бытия.

Отражение сложных референциальных отношений текста с порождающей его действительностью было закреплено также за понятием *затекст* (В.П. Белянин, В.С. Баевский, В.В. Хорольский, Глухов В.П.), включающим реальные события, явления и факты, к которым тем или иным способом отсылает произведение. При этом отображаемые фрагменты бытия, становящиеся содержательным наполнением затекста, способны не только маркировать, но и значительно расширять границы текста и его окружения. Они образуют многоуровневый фон произведения, состоящий из исторического, социокультурного, этнопсихологического и прочих экстралингвистических "горизонтов", которые обеспечивают правильность и саму возможность понимания последнего. Иначе говоря, кроме частных референтов, запечатленных в уникальных авторских образах, затекст есть широко понимаемая коммуникативная среда с закрепленными моделями ее вербального представления. Кроме того, в него входит такой дискурсивный фактор, как аудитория (адресат), чья адекватная характеристика позволяет точнее оценить ожидаемый перлокутивный эффект.

Отмеченные составляющие затекста и «-текстов» других, ранее названных типов ставят нас перед необходимостью обратиться к одному важному аспекту обсуждаемой проблемы, о котором, впрочем, следовало сказать в самом начале данной статьи. Речь идет о неоднозначности рассматриваемых понятий, многие из которых приняты сразу в нескольких науках, направлениях и/или школах, что затрудняет их использование и нарушает требование моносемичности соответствующих терминов. Более того, указанную группу терминов (во всяком случае, в ее нынешнем состоянии) невозможно анализировать как единую систему, а ведь именно в ее рамках – рамках единой системы специальной лексики – моносемичность, служащая критерием научности дискурсивных единиц, и должна проявиться [6].

Сказанное, между тем, не означает, что в сфере современного гуманитарного знания нет исследовательского пространства, в котором такая система могла бы возникнуть. Напротив, это пространство существует, и им, на наш взгляд, является *теория текста* – филологическая дисциплина, возникшая во 2-й пол. 20 в. на

пересечении текстологии, лингвистики текста, поэтики, риторики, герменевтики и обладающая, несмотря на обилие междисциплинарных пересечений, собственным онтологическим статусом» [9]. В пользу данной дисциплины свидетельствует уже тот факт, что ее составной частью признается *теория интертекстуальности* [9; 2], специализирующаяся на изучении не только *интертекста*, но и других, перечисленных нами «-текстов». И хотя ни та ни другая *теория* пока не оперирует всей их возможной совокупностью, представляется, что они могли бы стать объектами данной комплексной дисциплины, тем более что для этого имеется ряд серьезных предпосылок.

К ним относится, во-первых, длительное и стабильное использование большого числа понятий и терминов, в продуктивном применении которых не наблюдается редукции или спада. Что же касается «-текстов»-новообразований, употребление и изучение которых пока не носит устойчивого характера (напомним, что некоторые из них нами даже не упоминаются), то их можно считать показателями активного процесса терминотворчества, следующего за процессом уточнения и разграничения соответствующих понятий.

Во-вторых, многие из наиболее востребованных «-текстов» обладают достаточно точными и четкими дефинициями, толкованиями и/или описаниями, данными не только в посвященных им работах, но и закрепленными в различных научных словарях (наиболее представительны в этом отношении вышедшие или переизданные в последние годы Стилистический энциклопедический словарь русского языка [10] и *Dictionnaire d'analyse du discours* [13]).

В-третьих, значительная часть «-текстов» обнаруживает тенденцию к созданию терминологических микросистем, основанных на объединяющих их парадигматических отношениях как с базовым элементом системы, так и между собой: *генотекст – фенотекст*, *гипотекст – гипертекст*, *микротекст – макротекст*, *прототекст – метатекст – интертекст*, *эпитекст – перитекст – паратекст*, *надтекст – мега-текст – унитекст – перитекст – стереотекст* и т.п.

И наконец, в-четвертых, перечисленные нами «-тексты» характеризуются наличием общих компонентов значений и общих функций, демонстрируемыми ими как мотивированными специальными знаками, предназначенными для получения, хранения, систематизации нового знания и передачи его в дискурсе.

Вместе с тем рассмотренные в своем сегодняшнем состоянии «-тексты» несомненно очень далеки от сформированной системы научных терминов. Им присущи меж- и даже внутриотраслевая омонимия, синонимия (дублетность) и многозначность. Так, в зависимости от происхождения термины *автотекст* и *мультитекст* могут оказаться единицами дискурса филологии (как текст, содержащий авторские повторы, и текст-полилог) или новых информационных технологий (соответственно, как автоматический и мультимедийный тексты). *Субтекст* может означать "отрезок текста" или "текст-предшественник, цитируемый текст". Причем второй омоним образует ряд синонимов, имея тот же денотат, что и дублиеты *предтекст*, *пратекст*, *подтекст* и *прототекст*.

Аналогичным образом и термин *затекст* вступает в отношения синонимии с терминами *контекст* и *экстратекст*, реализуясь, кроме того, и в качестве переводного эквивалента последнего. О функционально-семантической близости затекста и экстратекста, очевидной из появившихся рунет-публикаций, позволяют судить также работы зарубежных исследователей. В частности, по мнению Х. Алберт Галеры, уделявшей в своих исследованиях особое внимание экстратексту, он включает все те же "затекстовые" факторы: литературную и/или риторическую традицию, место и время. При этом все анализируемые автором факторы имеют явно выраженное дискурсивное содержание. Например, в работе о прагматике современных испанских словарей [14] указывается, что место и время создания Словаря Испанской королевской академии определяют не ситуативные параметры конкретного акта его написания, а сумму исторических, культурно-языковых и социальных обстоятельств, обусловивших значительное различие словарных статей "*Comunismo*", "*Matrimonio*" и пр. в изданиях 1970 и 1992 гг. В свою очередь фактор традиции неизбежно актуализируется в виде фрейма "Составление словаря", структурирующего лингвистические и энциклопедические знания о предмете.

Все сказанное закономерно приводит, на наш взгляд, к выводу о давно назревшей необходимости систематизации указанной специальной лексики, взаимного уточнения значений ее единиц, а также придания им соответствующего научного статуса в рамках теории текста. Последнее особенно актуально в связи с расширением сферы и частотности использования многих терминов с формантом «-текст», чье включение в исследовательский аппарат данной науки будет способствовать получению новых знаний о тексте как о продукте коммуникативно-речевой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2003.
2. Ворожбитова А.А. Теория текста: Антропоцентрическое направление / А.А. Ворожбитова. – М.: Высшая школа, 2005.
3. Глухов В.П. Основы психолингвистики / В.П. Глухов. – М.: АСТ: Астрель, 2005.

4. Дмитриева Е.Е. Словарь /Генетическая критика во Франции: антология / Е.Е. Дмитриева. – М: ОГИ, 1999.
5. Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М.: РОССПЭН, 2004.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М.: КомКнига, 2006.
7. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – М.: Издательство «Ось–89», 2005.
8. Неклюдов С.Ю. Авантекст в фольклорной традиции / С.Ю. Неклюдов // Живая старина. – 2001. – N 4.
9. Николаева Т.М. Теория текста / Т.М. Николаева // Лингвистический энциклопедический словарь. – М: Советская энциклопедия, 1990.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка /Под ред. М.Н. Кожинной. – М: Флинта: Наука, 2003.
11. Тюпа В.И. Литературное произведение: между текстом и смыслом / В.И. Тюпа, Л. Ю. Фуксон, М.Н. Дарвин // Литературное произведение: проблемы теории и анализа. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997.
12. Цивьян Т.В. Модель мира и ее роль в создании (аван) текста / Т.В. Цивьян //www.ruthenia.ru/folklore/tcivian2.htm, 2001.
13. Dictionnaire d'analyse du discours /Charaudeau P., Maingueneau D. – P: Seuil, 2002.
14. Albert Galera J. La pragmática en los diccionarios españoles actuales // Léxico y Diccionarios. – Tarragona: Universitat Rovira i Virgili, Departament de Filologies Romàniques, 1996.